

УДК 785(470)
ББК 85.318(2)6
А79

Арбенина, Диана Сергеевна.

А79 Снежный барс / Диана Арбенина. — Москва : Эксмо, 2020. — 368 с. — (Диана Арбенина. Книги в самое сердце).

ISBN 978-5-04-113612-3

«Господи, как же я тоскую по тебе... Всепоглощающая тоска такой силы и глубины, что мне постоянно не хватает воздуха. Сделав вдох, я забываю, что нужно сделать выдох. Как восьмидесятилетний старик, я хватаюсь за край стола и жду, когда пройдет очередной приступ отчаянья».

Огромное количество людей ждет новую книгу Дианы Арбениной. Ведь Арбенина никогда не делает ничего просто так. Будь то новый альбом, концертное многотысячное шоу или книга — это всегда то, чем дышит сама Диана. «Снежный барс» — сборник новейших рассказов, стихов и текстов песен.

Каждое спетое и написанное слово попадает в самое сердце.

Каждый рассказ — это история, которая, возможно, закончится не так, как вам бы хотелось, но разве в жизни не так?

Каждое слово здесь тщательно подобрано так, чтобы вы почувствовали кожей, как Диана берет вас за руку и приглашает в свой мир. Здесь прольются слезы, душу вывернет наизнанку, на вас обрушится вал эмоций.

Добро пожаловать в мир «Снежного барса»!

УДК 785(470)
ББК 85.318(2)6

© Арбенина Д. С., текст, 2020
© Сильченко Д. Ю., обложка,
макет, 2020
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-113612-3

*вот я — крошечный человек созданный по подобию Бога.
вот я — оцепеневший после холода бесконечной зимы.
вот я — с баллоном кислорода за плечами и надеждой на любовь.
вот я — робкий и нежный с сердцем которое хочет жить.
вот я — открывающий дверь за которой бесконечное небо.
вот я — рвущийся на части от винограда детских слез.
вот я — рожденный на севере и познавший юг.
вот я — распростертый на земле увитой лозой и плодами растений.
вот я — бесконечный крошечный человек созданный по подобию Бога —
смотрю туда где ты ждешь меня.
и лето между нами набирает обороты.
endlessly.*

лето 2020

РАССКАЗЫ

СНЕЖНЫЙ БАРС

Я родился там, где снег острый, как ледяной нож, а мороз застывает в горле и покрывает небо инеем. Мне повезло: я был рожден в теплом вакууме из шерсти, и холод — это то, чего я никогда не знал все годы, проведенные на земле. Точнее, на снегу.

А еще была ты. Ты первая назвала меня по имени. Ты первая позвала меня, произнеся мое имя вслух. Помню, услышав его, я поморщился — такое сладкое, даже приторное слово. Чтобы меня — отважного, свободного, гордого зверя — так звали? Ну нет. Ни за что не стану отзываться. Но ты настаивала. Ты звала и приглашала, а я любил все слова, которые ты произносила.

И я ответил. А потом привык. А потом влюбился в свое имя. А потом стал ждать, когда ты опять позовешь меня, а я делано хмуро качну головой и, аккуратно ступая на своих, странным образом оставшихся

детскими, лапах, поднимая их по очереди и чуть закругляя на манер скрипичного ключа, вразвалочку, с замирающим от нежности сердцем, поплыву к тебе.

Я всегда боялся тебя сломать. Всегда боялся тебя повредить. И когда ты просила обнять тебя так, чтобы хрустнули все косточки, я делал вид, будто напрягаюсь изо всех сил, демонстрировал свои мускулы, нежно пыхтел, но никогда не обнимал так сильно, как мог и хотел.

Я о многом жалею. Я не обнимал тебя так сильно, как мог, я не говорил тебе о любви так часто, как хотел, я не погулял с тобой по склонам наших гор. Мы редко танцевали, а еще я не подарил тебе нашего сына, о котором ты мечтала, о котором мы вместе мечтали, но постоянно было много работы и планов, как будто рождение детей предполагает полный вакуум в жизни.

В общем, мы не успели. И сейчас, после твоего ухода, я остался абсолютно один и знаю, что буду тонуть в своем беспросветном одиночестве до конца дней.

Я не знаю, кто скинул тебя с нашей скалы. Говорили, ветер. Говорили, люди. Говорили, волки. Говорили, ты сама. Но я-то знал тебя лучше всех. Сама бы ты не прыгнула. Ты боялась боли, боялась крови, боялась всего, что может сделать тебя уродливой. Да к тому же зачем тебе было убивать себя? Ты чувствовала свою красоту, ты была счастлива. Никаких скелетов в шкафу, психоаналитиков, слез по ночам, болезней и тайных страданий. Ни одной причины свести счеты с жизнью.

У тебя не было врагов. Тебя не могли убить. Тебя любили все. Ты умудрялась жить, балансируя между племенами хищных зверей, и даже люди испытыва-

ли к тебе молчаливое уважение. Так что это было не убийство.

Я думаю, тебя снес ветер. Ударил в спину, ты споткнулась, оступилась и улетела вниз. Самое хрупкое, нежное существо на земле — моя девочка, моя косуля.

Перегретый запах хлеба и кофе в «Старбакс». Светло-коричневые, испещренные царапинками столы и не подходящие к ним стулья и диваны. И так в каждой кофейне каждого города каждой страны. И везде стойкое ощущение, что мебель сюда свозили, чуть ли не по дешевке купленную на блошином рынке. А может, была просто идея сделать хипповскую бестолковую большую комнату, в стиле «нам в принципе пофиг на стиль». Нам важно хором пробубнить: «Здравствуйте» и «Скажите, как вас зовут».

Я люблю «Старбакс». Я покупаю кофе, но не пью его здесь, а, как миллионы людей, уношу с собой. Подойдя к стойке, я всегда заказываю два стаканчика. «Double espresso for me and double macchiato for my girlfriend». — «What is her name?» — «К». — «What?» — «К — big letter K». — «Oh, yes, sir, I gotcha».

Как будто он что-то понял. Смешно. И вообще не смешно. Куски мозаики современного формализма, пропитавшего мир, несущийся в пропасть. «Как зовут вашу девушку?» — «Ее зовут заглавная буква К». — «А, хорошо, понял». Что ты понял? Что ты мог понять? Так не зовут людей. Ты же это понимаешь, надеюсь? Побеги нашей так называемой толерантности и стремление быть открытыми большому миру.

К так К, В так В. Какая, в принципе, разница. Важнее вышколенный тон и зеленый передник с непрременной черной бейсболкой.

Я люблю «Старбакс». Больше всех остальных кофешопов в мире. И весь мир любит «Старбакс» больше всех остальных кофешопов в мире. И их разномастные диваны, кресла и обшарпанные столики тоже. Я люблю стоять у стойки и наблюдать, как люди намного моложе меня готовят кофейные смеси, включают пар, жонглируют пакетами соевого молока и плюхают лед в прозрачные стаканы с лого. Меня успокаивает их работа и делает десять минут моего времени осмысленными. Но как только я получаю два стаканчика нефти и толкаю входную дверь, где бы я ни находился, на меня накатывает зима, и порыв ветра заставляет прикрывать глаза. Я опять один. Один в мире. Никому не нужный. Никому не интересный. Никем не любимый. И несмотря на все прелести уюта желтых ламп и плакатов с видами Африки на стенах, этот ловкий и равнодушный парень в бейсболке ни черта не понял, ни черта не вник, мгновенно согласившись с нелепым недоименем, состоящим из одной буквы. Ну, конечно, у него же потоки таких, как я, но он даже не удивился и уж точно не запомнил меня.

Господи, как же я тоскую по тебе... Всепоглощающая тоска такой силы и глубины, что мне постоянно не хватает воздуха. Сделав вдох, я забываю, что нужно сделать выдох. Как восьмидесятилетний старик, я хватаюсь за край стола и жду, когда пройдет очередной приступ отчаянья. Ко всему этому то и дело непонятно откуда просачивается твой запах. Твой. Запах. Куда бы

я ни шел, где бы ни находился, вдруг, неожиданно, как удар под дых, возникает твой запах. Иногда мимолетно, иногда он остается на какое-то время, бывает, даже на пару часов, и мир становится ирреальным вместе с недоумевающим собеседником, сидящим напротив. Недавно я понял, что источник твоего запаха — я сам. Он поселился во мне, а температура тоски раскаляет докрасна твои молекулы, оставшиеся в порах моей кожи, под пластинами ногтей, в волосах, везде, где ты касалась меня, выцеловывая каждый миллиметр моего тела, проникая ручьями своей слюны мне под кожу, сочась в меня в каждую нашу близость. Все это никуда не делось, не смылось душем, морями и моим собственным потом. Я — носитель твоего запаха. Я сам — его источник и провокатор. Бежать некуда.

Я давно перестал думать большими сложносочиненными предложениями. Я стал суше. Мир стал лаконичным. Язык стал конкретным. А жизнь предельной. Ты ушла, и я оказался в потоке бесконечного времени, несущегося на меня лавиной, не оставляющей никаких следов, кроме морщин на коже. Все несется вперед вместе со мной неизвестно куда, а главное, неизвестно зачем. Я ношу дырку в груди размером с пушечное ядро. Она настолько реальна, что порой я не рискую переодеться в общих раздевалках на корте или когда прихожу в бассейн. Я иду в туалет и там, корчась от боли, прижимая ладонь к груди, вполне ощутимо чувствую круглое отверстие, как в детском камушке под названием «куриный бог». Отверстие идеальной круглой формы, и никаких ошметков плоти, крови, сухожилий по краям. Я беру себя в руки

и, прыгая на одной ноге, влетаю в плавки и в шорты. Затем, стараясь не касаться стенок кабинки, натягиваю идеальные белые носки и ослепительно-белую футболку. В коконе своей тоски по тебе я во всем идеален и во всем стерилен. Мое пребывание на земле до того аккуратно и формально, что я бы не удивился, узнав, что вообще не оставляю следов пребывания.

Я постоянно жду тебя. Ждать того, кто уже никогда не придет, и понимать, что смысл твоих дней только в этом ежедневном ритуальном чувстве, — катастрофа всей жизни. Что бы ты ни делал, как бы ни пытался переключить себя и нырнуть в новое русло, ожидание преследует и напоминает о себе каждымбряцаньем колокольчика на входной двери. Опять не ты...

Я не любил драться, когда был подростком. В отличие от многих других зверей только защищался. Не трус, но и не герой-войка. Мое детство не отличалось разнообразием пейзажей. Снежные склоны, ледяные пики, ломкий наст, ветер, гудящий в ушах, когда бежишь вниз по вертикали, и мертвое стерильное голубое небо, висящее капюшоном. Я создан из снега и крови и, где бы теперь я ни жил, куда бы ни бежал от себя и своей памяти, мне везде мерещится самое начало бури, которая делила мою жизнь на времена года, а лапы покалывают ледяные иглы, в какой бы жаркой стране я ни находился.

Они пришли и сказали: «Держись», и по их лицам и тону я понял. Я сразу все понял.

Откуда я знал? Я не знал. Достаточно было услышать металлическое «держись», и никаких иных вари-

антов в голову прийти не могло. Я спросил: «Где?» — и вышел за ними следом.

Мы бежали вечно. Стояли ранние сумерки, и это отчасти облегчило путь. Лапы ныли, и в такт прыжкам обмирало сердце. Я, по-моему, даже не дышал, превратившись в гибкий, тяжелый вектор движения. Я ни о чем не думал. В тот момент, в последний момент моей счастливой жизни, я был идеальным прототипом неживого существа с искусственным интеллектом, помещенным в тело зверя, выполняющего команды того, кто никогда не откроет своего лица и не назовет своего имени.

Ты лежала на снегу около черного валуна, покрытого льдом. Судя по следам, ты упала на него, ударилась головой и, потеряв сознание, сползла в снег. Никаких следов, кроме твоих, ни на склоне, ни внизу не было. Когда тебя нашли, ты уже застыла. В тот год была жесткая холодная зима, и морозы в феврале держались декабрьские. Им аккомпанировал ледяной пронизывающий ветер, шквальные порывы которого и снесли тебя со скалы. Все было прозрачно, кроме одного обстоятельства: что ты делала на нашем месте, так далеко от дома, в абсолютно заурядный февральский день? Почему ты там оказалась? Для чего взбиралась по склону, подгоняемая ветром, сбивающим с ног, и морозом, кусающим твой детский нежный живот? Я не знаю. Они задавали вопросы, много раз одни и те же вопросы, ответа на которые у меня не было. Я мог только предполагать. Вариантов было несметное количество. О да, мы были предельно близки, но ты оставалась для меня самым таинственным существом, и я никогда до конца не

знал, что происходит в твоей невероятной пленительной голове. Ты решила побыть одна? С кем-то должна была встретиться? Но здесь? У тебя что-то случилось, и, прежде чем рассказать мне, ты решила обдумать это? И, наконец, ты решила сбежать?

Как ни странно, я склонялся именно к такому ответу. Несмотря на то, что тебя окружала безгранично счастливая жизнь, без тени сомнения и облака грусти, я был уверен, что ты пришла попрощаться со мной. Ты пришла на наше место просить прощения за то, что уходишь, за то, что бросаешь меня, зная, как сильно я тебя люблю. Ты пришла выплакать свое горе, понимая, что обрекаешь на него нас обоих. Ты просила, чтобы я простил тебя, в то же время зная, что на всю жизнь делаешь меня несчастным. Ибо больше всего мы несчастны, когда не знаем ответа на вопрос «почему». Когда мы не понимаем. Когда нам не объясняют, а сразу бьют.

Почему в феврале? Почему ты не решилась весной или летом? Весна проложила бы тебе дорогу на юг, и бежать было бы проще и безопасней. Судя по всему, тебе было не до выбора времени года. Возможно, для тебя в тот момент наступил предел, и вопреки здравому смыслу и твоему стремлению к комфорту ты, очертя голову, бросилась на скалу, где тебя догнал порыв ветра, и все случилось. Тебя не стало.

Похоронив тебя, я заболел. Болезнь не отпускала меня до конца апреля. Три месяца над моей головой была только узкая полоска света, которая менялась в зависимости от времени суток. Когда я первый раз

поднялся и увидел в луже свое отражение, то обомлел. На меня смотрело высохшее, обтянутое кожей, лицо человека. Я перестал быть зверем и превратился в худого мужчину средних лет со впалыми, глубоко посаженными серыми глазами. Первым делом я взял нож и состриг шерсть, ставшую свалывшимися волосами. Потом дополз до горной реки и помылся в ней. Холода, как уже говорил выше, я не чувствовал. Разве что ледяные покалывания в груди и в спине.

То, что я стал человеком, меня не пугало и даже не изумляло. Я погиб с тобой и возродился в иной плоти. Чему тут было удивляться. К тому же ежедневные насущные дела не позволяли мыслям пускаться в дикий, изматывающий нервы хоровод. Мне предстояло учить себя жить заново, заново ходить, учиться есть другую еду и вести себя сообразно новому облику. У нас не было родных и друзей. Некому было ни скорбеть о тебе, ни удивляться новому мне. Это было очень кстати. Когда в первые дни и ночи я выползал на улицу, меня окружал только воздух, настоящий травами и солнцем. Ночами, когда тоска по тебе сжимала грудь, я выл на луну, которой было все равно, кто я и как меня теперь зовут.

В начале лета я спустился с нашей горы и поселился в маленьком швейцарском городе. В нем были одна церковь, одно почтовое отделение, одно озеро, один банк, один теннисный корт, один «Старбакс», один дорогой ресторан и много баров. Я работал грузчиком и сторожем. Читал газеты и знакомился с миром людей. Через год я окреп и даже научился с ними разговаривать. Это было не сложно: люди поверхностны.